

Правовой режим цифровых активов должника в деле о банкротстве

© О. Н. Алеев¹, А. А. Пахаруков²

¹Арбитражный суд Иркутской области,
г. Иркутск, Российская Федерация

²Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Установлено, что термин «цифровые активы» достаточно широко используется в научном обороте и хозяйственной практике. Однако общепринятого определения не существует. Применение цифровых активов в ближайшем будущем будет в значительной степени определять положение на рынке и эффективность деятельности хозяйствующих субъектов. Сделан вывод о том, что объекты материального мира, переведенные в электронный формат, не входят в состав цифровых активов. Обоснован вывод о том, что экономические и финансовые отношения, связанные с цифровыми активами, нуждаются в совершенствовании механизма правового регулирования и усиленном надзоре в целях снижения рисков злоупотребления. Обобщение судебной практики позволяет констатировать об отсутствии устоявшегося подхода по вопросу определения правовой природы криптоактивов как объекта правоотношений. В рамках дел о защите нарушенных прав крипто-инвесторов суды, как правило, уходят от решения вопроса о правовом режиме криптовалюты, ссылаясь на отсутствие правового регулирования. В рамках дел о банкротстве суды, напротив, признают криптовалюту объектом правового регулирования, формируют правовые позиции, связанные с порядком обнаружения и передачи данного имущества арбитражному управляющему в целях удовлетворения требований кредиторов несостоятельного должника.

Ключевые слова: банкротное право, конкурсная масса, арбитражный управляющий, цифровые активы, криптовалюта, имущество

Legal regime of debtor's digital assets in a bankruptcy case

© Oleg N. Aleev¹, Alexander A. Pakharukov²

¹Arbitration Court of the Irkutsk Region,
Irkutsk, Russian Federation

²Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. It has been established that the term "digital assets" is widely used in scientific circulation and business practice. However, there is no generally accepted definition. The use of digital assets in the near future will largely determine the position in the market and the efficiency of business entities. It is concluded that the objects of the material world, transferred to an electronic format, are not included in the digital assets. The conclusion is substantiated that the economic and financial relations associated with digital assets need to be improved in the mechanism of legal regulation and strengthened supervision in order to reduce the risks of abuse. A generalization of judicial practice allows us to state that there is no established approach to the issue of determining the legal nature of crypto assets as an object of legal relations. As part of cases on the protection of the violated rights of crypto-investors, the courts, as a rule, avoid resolving the issue of the legal regime of cryptocurrency, referring to the lack of legal regulation. In bankruptcy cases, the courts, on the contrary, recognize cryptocurrency as an object of legal regulation, form legal positions related to the procedure for discovering and transferring this property to an arbitration manager in order to satisfy the claims of the insolvent debtor's creditors.

Keywords: bankruptcy law, bankruptcy estate, insolvency practitioner, digital assets, crypto currency, property

Постановка проблемы. Изменение мировой экономики приводит к тому, что трансформируются общественные институты, технологические уклады и отрасли, и, что закономерно – механизмы правового регулирования соответствующих общественных отношений. Существенно ускоряют процесс

изменений такие вызовы и факторы как экономическая глобализация, рост финансовой сферы экономики, цифровизация.

В России правовое регулирование отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых активов как имущественных прав, а также при обороте цифро-

вой валюты, появилось с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 259). До этого момента оборот указанных активов фрагментарно регламентировался единственной статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) о цифровых правах, появившейся в 2019 году.

Представляется, что Закон № 259-ФЗ носит рамочный характер, в котором обозначены лишь общие контуры правового регулирования оборота цифровых финансовых активов и определен круг субъектов, которые будут формировать рынок цифровых финансовых активов. Закон № 259-ФЗ содержит множество отсылочных норм, предполагающих разработку Банком России предписаний, без которых инвесторы не смогут полноценно оценить возможности и риски инвестиций в цифровые финансовые активы. Например, регулятор может установить ограничения на приобретение цифровых финансовых активов отдельными категориями инвесторов. Таким образом, следует констатировать, что отечественное законодательство о цифровых финансовых активах все еще находится на стадии формирования. Тем не менее Россия входит в число стран с наибольшим количеством операций с цифровыми финансовыми активами. Так, Банк России оценивал годовой объем таких операций в 5 млрд долл.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

США (около 350 млрд рублей)³.

В этой связи актуальными представляются вопросы, связанные с правовым режимом цифровых финансовых активов в случае банкротства их обладателя: что в этом случае делать с цифровыми активами? Должны ли токены и криптовалюта учитываться в качестве имущества при банкротстве? Подобного рода вопросы интересуют прежде всего кредиторов и уполномоченных органов, участвующих в процедурах банкротства. И вот почему.

Во-первых, анализ статистических данных свидетельствует, что в ходе банкротства юридических лиц погашается только незначительная сумма требований кредиторов (в среднем – менее 10 процентов), а в деле о банкротстве граждан – подавляющая часть требований кредиторов вообще не погашается за счет имущества должника (в среднем – более 95 процентов) [1, с. 330–331, 332]. Включение цифровых финансовых активов в конкурсную массу несостоятельного должника должно способствовать увеличению степени удовлетворения требований кредиторов. Хотя, конечно, низкий уровень удовлетворения требований кредиторов при банкротстве обусловлен не столько проблемой формирования конкурсной массы, сколько спровоцировано низкой эффективностью реабилитационных процедур, применяемых в деле о банкротстве. На данное обстоятельство совершенно верно обращается внимание в юридической литературе [2, с. 32].

Во-вторых, действующее российское законодательство не устанавливает детального порядка обращения взыскания на цифровые финансовые активы в деле о банкротстве. Это связано с тем, что не до конца проясненным является вопрос о том, какое место цифровые финансовые активы и цифровые права занимают в системе гражданских прав. К примеру, в отечественной юридической науке имеется большая группа ученых, которые полагают, что «цифровые права в том виде, в котором они закреплены в законе, не образуют нового объекта гражданских прав, а

³ Обзор финансовой стабильности: информационно-аналитический материал Банка России. 2021. № 2: II–III кварталы 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rbrK5> (05.10.2022).

представляют собой цифровую форму (способ) фиксации традиционных, давно известных гражданских прав» [3, с. 11]. Как указывает Е. А. Суханов, «В законе получил юридическое закрепление очередной *условный термин*, содержание которого никак не соответствует его наименованию» [4, с. 16].

В-третьих, нередко должники, осознавая приближение неплатежеспособности, прибегают к процедуре искусственного формирования задолженности. Цель данного мероприятия заключается в стремлении разыграть спор с так называемым «дружественным» кредитором и получением определенных преимуществ. В результате такого «соглашения» у вступивших в сговор сторон появляются определенные преимущества:

1) кредитор первым обращается в суд, опережая других кредиторов, и тем самым получает право предложить свою кандидатуру на должность арбитражного управляющего (со всеми вытекающими последствиями);

2) должник, действуя через «дружественного» кредитора, получает возможность оказывать в определенных ситуациях влияние на принимаемые собранием кредиторов решения;

3) в результате должник получает возможность «вернуть» себе часть реализованного на торгах имущества.

Безусловно, добросовестные кредиторы, руководствуясь нормами действующего законодательства, а также судебной практикой, наработанной за время применения Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Закон о банкротстве), могут в настоящее время эффективно выявлять попытки создания фиктивной задолженности и противостоять таким действиям.

Но не исключена возможность использования цифровых финансовых активов при осуществлении подобного рода недобросовестных действий должника. Так, Е. Г. Быкова и А. А. Казаков приводят обстоятельный анализ ситуаций, которые могут возникнуть при совершении криминальных банкротств с

использованием криптовалюты. По их мнению, «если вложение денежных средств гражданина в эти электронные средства привело к возникновению признаков банкротства, не усматривается препятствий для юридической оценки его действий по ст. 196 УК РФ при наличии к тому оснований». Однако проблемы возникают при уголовно-правовой квалификации действий руководителя юридического лица, у которого имеются признаки банкротства, по отчуждению криптовалюты, эквивалентной по стоимости сумме свыше 2 250 000 рублей. Как считают специалисты уголовного права, в этой ситуации оценку содеянного по соответствующей части статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ («Неправомерные действия при банкротстве») произвести не представляется возможным [5, с. 13].

Надо признать, что в настоящее время судебная практика по вопросу включения цифровых финансовых активов в конкурную массу несостоятельного должника динамично формируется, ведь принимать решения арбитражным судам приходится «здесь и сейчас», а криптовалюта в процедурах банкротства фигурирует все чаще. Так, в Определении Арбитражного суда Алтайского края от 15 ноября 2021 года по делу № А03-3048/2021 справедливо отмечается: «Примерами могут служить ставшие многочисленными обособленные споры об истребовании у должника цифровых финансовых активов и криптовалюты. При этом суды, рассматривающие дела о банкротстве, в судебных актах об истребовании у должника информации и имущества раскрывают практический порядок их передачи арбитражному управляющему. Но вопросы практической исполнимости судебных актов об истребовании криптовалюты, а также отдельные практические приемы розыска цифровых активов должника, остаются мало изученными».

Думается, что научное исследование проблем, связанных с правовым режимом цифровых активов должника в деле о банкротстве, в настоящее время приобретает

⁴ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

особую актуальность в теоретическом и практическом отношении.

Степень разработанности темы исследования. Отдельные аспекты формирования конкурсной массы в процессе банкротства юридических лиц исследовали многие специалисты по банкротному праву – С. С. Галкин, А. С. Гутникова, Е. Е. Енькова, С. А. Карелина, К. Б. Кораев, Е. Н. Матвеева, В. Ф. Попондопуло, О. А. Поташник, М. В. Телюкина, В. Н. Ткачев, А. Э. Циндяйкина, Т. П. Шишмарева и др. В частности, отмечается необходимость разграничения таких понятий как «конкурсная масса» и «имущественная масса», анализируется правовой режим имущества, которое Закон о банкротстве предписывает исключать из состава конкурсной массы.

Значительный интерес представляют работы представителей науки финансового права, которые в своих исследованиях непосредственно разрабатывали проблемы финансово-правового регулирования цифровых финансовых активов – М. А. Голубитченко, И. И. Кучеров, И. Б. Лагутин, Н. Б. Островская, М. М. Прошунин, К. Б. Раздорозный, А. А. Ситник, С. С. Тропская, И. А. Хаванова, И. А. Цинделиани и др.

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что правовой режим цифровых активов должника в процедурах банкротства до сегодняшнего дня не стал предметом специального монографического исследования. Кроме того, вследствие динамичного развития отечественного законодательства многие положения научных исследований уже утратили свою актуальность.

На первый взгляд, может показаться необходимым обобщение зарубежного опыта правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Однако единства подходов в данном вопросе не отмечается: в одних странах легализуют оборот криптовалюты, в других – устанавливаются ограничения на операции с криптовалютой для отдельных категорий лиц (чаще всего банков), в третьих – вводятся абсолютные запреты на соответствующие сделки. По-разному определяется ее правовой режим: обычно криптовалюта рассматривается как «товар» или «инвестиционный актив», но также может признаваться в качестве «рас-

чётной денежной единицы» (Германия), «законным платёжным средством» с налогом на покупку (Япония) или приравниваться к режиму иностранной валюты (Швейцария) [6, с. 12–14].

Так, М. Д. Бельский, анализируя французское законодательство о несостоятельности, пришел к выводу о том, что оно «демонстрирует определенную жесткость, которая вряд ли сопоставима со сложностью и крайней волатильностью криптовалют». Так, чтобы дело о несостоятельности во Франции, связанное с криптовалютой, было успешно реализовано, необходима регламентация правовых механизмов обращения с криптовалютой в целях уменьшения рисков при их обращении с ней, принимая во внимание ее комплексный характер [7, с. 12]. Напротив, В. С. Белых и М. О. Болобонова считают, что «не все криптовалюты могут подпадать под правовое регулирование в силу их сущности», а именно «под правовое регулирование должны подпадать токены, создаваемые в целях отражения в распределенном реестре реальных активов (природных ресурсов, акций компаний и т. д.), в отличие от «протокольных» токенов, представляющих собой элемент архитектуры открытого программного обеспечения, повышающий жизнеспособность программного кода» [8, с. 25].

Рассматривая данный аспект проблемы, не следует пренебрегать методологическим суждениям, высказанным в юридической литературе и касающимся необходимости учета принципа объективности при проведении всякого правового исследования. Так, профессор В. А. Семеусов писал: «Ссылка на мировой опыт бездоказательна. Ведь давно замечено, что мировой опыт – это нечто, как ныне модно говорить, из виртуального мира или миф. В реальной действительности есть опыт отдельных стран, имеющий разительные отличия. Каждая страна повышает эффективность национальной экономики и обеспечивает благоденствие своих граждан по-своему» [9, с. 85].

По мнению С. А. Карелиной и И. В. Фролова, «институт криптовалюты должен сформировать механизм контроля (надзора), цифровые кошельки и свод правил, регламентирующих отнесение криптовалюты к фи-

нансовым инструментам и цифровым финансовым активам с потенциально высокой степенью ликвидности и возможностью использования указанной категории для формирования конкурсной массы должника в делах о банкротстве» [10, с. 18].

Понятие цифровых прав и цифровой валюты. В пункте первом статьи 141.1 ГК РФ закреплена легальное определение *цифровых прав*. Буквальное толкование данной дефинитивной нормы позволяет выделить следующие признаки цифровых прав для целей правового анализа:

1) по своей правовой природе цифровые права – это *обязательственные и иные права* (неопределенным остается вопрос о том, что понимать под «иными правами»: с одной стороны, возможно широкая их трактовка, предполагающая включение всех имущественных прав, в том числе корпоративных, вещных и исключительных, с другой – допустима узкая концепция, ограничивающая цифровые права лишь относительными имущественными правами);

2) цифровыми правами признаются только те права, которые названы в таком качестве в законе (использован *принцип легальности*);

3) содержание и условия осуществления прав определяются в соответствии с правилами информационной системы;

4) осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (номинарирована «среда» существования цифровых прав – *информационная система*, которая «функционируют автоматически, обеспечивая динамику цифровых прав исключительно волеизъявлениями лиц, признаваемых системой их субъектами»; при этом отсутствует посредник (администратор системы) как субъект, непосредственными действиями которого формируется соответствующий информационный массив [11, с. 74]);

5) информационная система должна отвечать установленным законом признакам.

Действующее российское законодательство к цифровым правам относит:

– утилитарные цифровые права (ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. №

259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶);

– цифровые финансовые активы (п. 2 ст. 1 Закона № 259-ФЗ).

По мнению Е. Корниенко, «термином цифровых финансовых активов российский законодатель определяет так называемые токены, которые являются средством инвестирования и существуют в цифровом виде в системе блокчейн (системе распределенного реестра)»⁷.

Закон № 259-ФЗ предусматривает легальное определение понятия цифровой валюты как «совокупности электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иного государства или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных» (п. 3 ст. 1).

Таким образом, закон вместо термина «криптовалюта» содержит другой термин – «цифровая валюта». Представляется, что законодатель намеренно не желает отождествлять понятия цифровых финансовых активов и цифровой валюты, предпочитая обходить вопрос регулирования криптовалюты стороной. При этом согласно бланкетной норме, содержащейся в части 4 статьи 14 Закона № 259-ФЗ, выпуск и обращение цифровой валюты в Российской Федерации регулируются в соответствии с федеральными законами [12, с. 75].

⁶ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁷ Корниенко Е. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как объекты имущественных прав в банкротстве и искомом процессе // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/20/cifrovye_finansovye_aktivy_i_cifrovaya_valyuta_kak_obekty_imuschestvennyh_prav_v_iskovom_proizvodstve (05.10.2022).

Исходя из анализа определения цифровой валюты, выделим основные ее признаки:

1) цифровая валюта – это *совокупность электронных данных* (цифрового кода или обозначения) в системе;

2) цифровая валюта может рассматриваться как *средство инвестиции* и (или) *средство платежа*;

3) цифровая валюта не является денежной единицей;

4) в отношении цифровой валюты по общему правилу *нет лица, обязанного* перед каждым обладателем таких электронных данных.

Правовые проблемы включения цифровых активов должника в конкурсную массу. Благоприятные условия развития экономического оборота криптовалюты на территории нашей страны повлияли на стремительный рост количества принятых в рамках банкротных дел судебных актов об истребовании данного объекта имущества несостоятельного должника. Судебная система раз за разом признает криптовалюту и разного рода крипто-токены имуществом, с присущей ей конвертируемой стоимостью и возможностью включения в конкурсную массу должника.

Действия отечественного законодателя в области регулирования цифровых финансовых активов выражается в попытках установить контроль над «печатным станком» и обращением криптовалюты между гражданами Российской Федерации, с целью ограничения потока нелегального финансирования преступных группировок, «отмывания» средств, полученных преступным путем, и других незаконных действий [13, с. 71].

В конечном итоге, принятые законодателем меры в отношении регулирования цифровых активов установили в большей степени административные способы контроля за данным рынком со стороны Центрального банка Российской Федерации (лицензирование, ограничение круга эмитентов и т. д.). Нельзя сказать, что эти ограничения каким-то существенным образом повлияли на «черный» рынок оборота криптоактивов на территории нашей страны, как и не получится обвинить законодателя в сдерживании столь бурно развивающейся отрасли. Напротив,

попытка ввести соответствующую область общественных отношений в правовое поле складывает фундамент будущих, более сложных правовых новелл.

Вместе с тем законом не предусмотрены механизмы правовой защиты криптодержателей в случае их уклонения от декларирования сделок, равно как и не предусмотрены механизмы использования криптовалюты в качестве средства платежа [14, с. 30].

Обобщение правоприменительной практики позволяет констатировать, что возникают известного рода коллизии между нормами законодательства о цифровых активах и законодательства о банкротстве, которые в определенной степени создают барьеры как для удовлетворения требований кредиторов, так и для защиты прав должника [15, с. 165]. В частности, в удовлетворении большинства заявленных требований в отношении цифровой валюты суды, как правило, отказывали по двум основным причинам:

– отсутствие правового регулирования на момент рассмотрения судом спорных отношений;

– отсутствие доказательств наличия нарушенного права (табл. 1).

Из вышеперечисленной судебной практики вне рамок дел о банкротстве можно сделать вывод, что суды предпочитают уходить от вопроса установления правовой природы и режима криптоактивов, не пытаются формировать положительные для истцов, чьи права были нарушены, прецеденты, а просто отказывают в удовлетворении заявленных требований, ссылаясь на отсутствие точного правового регулирования данных активов [16, с. 59].

Однако дела о несостоятельности (банкротстве), как известно, имеют свою специфику и стоят несколько обособленно от иных имущественных споров. В банкротных процессах судьи, наоборот, с большим энтузиазмом признают цифровые финансовые активы и криптовалюту объектами имущественных прав и включают их в конкурсную массу должника. Несколько неожиданно, но именно в банкротных делах судьи сформировали и раскрыли достаточно точный порядок обнаружения и передачи данного имущества арбитражному управляющему (табл. 2).

Таблица 1. Судебная практика по вопросам обращения взыскания на цифровую валюту по делам, не связанным с банкротством

№ п/п	Причины отказа	Правовые позиции судов	Реквизиты судебного решения
1	Отсутствие правового регулирования на момент рассмотрения судом спорных отношений	Исковые требования о взыскании денежных средств оставлены без удовлетворения в связи с тем, что «токены, которые фактически представляют собой электронные деньги, не могут являться предметом договора купли-продажи», а также, что исходя из прямого толкования норм права «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства.	Решение Тверского районного суда г. Москвы от 20 ноября 2020 года по делу № 02-3009/2020
		В удовлетворении требования о взыскании убытков в виде упущенной выгоды отказано, поскольку истцом не представлено в материалы дела никаких доказательств того, что у него имелась реальная возможность добыть (майнить) криптовалюту и получать доходы от ее реализации, которые истец получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода), учитывая отсутствие необходимого правового регулирования деятельности по обороту криптовалюты на территории Российской Федерации в спорный период.	Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 апреля 2021 года по делу № А57-15876/2020
2	Отсутствие доказательств наличия нарушенного права	В удовлетворении заявленных требований отказать в полном объеме в связи с тем, не представлено доказательств того, что криптовалюта конкретных типов в определенном количестве принадлежит либо принадлежала истцу, а также того, что криптовалюта в указанном размере, полученная упомянутым способом, фактически перешла в распоряжение ответчиков, а ее количество и тип соответствует указанным в исковом заявлении.	Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29 октября 2019 года по делу № А40-164942/2019
		В удовлетворении требования истца к ответчику о признании цифровых финансовых активов – токенов Russian Mining Coin (RMC) совместно нажитым имуществом супругов и разделе указанного имущества отказано, поскольку истцом в нарушение статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не представлено допустимых, достоверных и достаточных доказательств в подтверждение факта приобретения ответчиком указанных финансовых активов в период брака. В ходе рассмотрения дела судом таких доказательств также не добыто.	Решение Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга от 3 июня 2019 года по делу № 2-393/2019
		В удовлетворении исковых требований отказать, так как биткойн не подпадает под определение электронных денежных средств, которое дано в пункте 18 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» ⁸ , а также не подпадает под определение платежной системы, которое содержится в пункте 20 статьи 3 этого же закона, не является иностранной валютой (согласно пункту 2 части 1 статьи 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» ⁹), а также в Российской Федерации отсутствует правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», торговых интернет-площадок, биткоин-бирж, все операции с перечислением биткоинов производятся их владельцами на свой риск.	Определение Арбитражного суда Московской области от 1 февраля 2021 года по делу № А41-4212/2020

⁸ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

⁹ Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

Таблица 2. Судебная практика по вопросам обращения взыскания на цифровую валюту по делам, связанным с банкротством

№ п/п	Правовые позиции судов	Реквизиты судебного решения
1	Суд обязал должника «передать в распоряжение финансовому управляющему доступ к криптокошельку по следующим основаниям: в силу диспозитивности норм гражданского права в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку, как обоснованно указывает финансовый управляющий, действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в статье 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. Любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных статьями 131, 132 и 213.25 Закона о банкротстве либо иными федеральными законами оснований. Тот факт, что должник обладает доступом к криптокошельку по указанному адресу, подтверждается протоколом осмотра веб-страниц в телекоммуникационной сети Интернет, удостоверенным нотариусом, а также пояснениями представителя должника о принадлежности содержащего указанного криптокошелька именно должнику.	Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017
2	Суд, обязал должника «в течение 10 рабочих дней с момента изготовления определения об истребовании данных в полном объеме лично передать финансовому управляющему данные доступа к биткоин-кошельку (сайт доступа к кошельку, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку) в машиночитаемом виде в файле формата «.doc» или «.docx» на электронном носителе, и лично присутствовать у нотариуса при входе в биткоин-кошелек для составления акта приема-передачи имущества (биткоинов) с целью включения его в конкурсную массу».	Определение Арбитражного суда г. Москвы от 18 февраля 2019 года по делу № А40-12639/16
3	Обязать «Якимчукову Валерию Валерьевну передать финансовому управляющему Блажееву Алексею Сергеевичу сведения о наличии денежных средств, хранящихся на электронных кошельках, в том числе рублях, иностранной валюте и криптовалюте (с указанием наименования, количества и текущего курса соответствующей криптовалюты)».	Определение Арбитражного суда Кемеровской области от 6 мая 2022 года по делу № А27-27516/2020
4	Истребовать у Ротару Г. И. и обязать предоставить финансовому управляющему Блажееву А. С. следующие документы и сведения о наличии денежных средств, хранящихся на электронных кошельках, в том числе рублях, иностранной валюте и криптовалюте (с указанием наименования, количества и текущего курса соответствующей криптовалюты).	Определение Арбитражного суда Алтайского края от 15 ноября 2021 года по делу № А03-3048/2021
5	Судом утверждено положение о реализации имущества должника, в составе которого продается «криптовалюта Dagcoin в количестве 72 896 монет по цене 99 900,00 рублей путем заключения прямого договора купли-продажи без проведения торгов».	Определение Арбитражного суда Пермского края от 24 декабря 2021 года по делу № А50-6372/2018
6	Суд, признав недействительной цепочку сделок должника «по передаче наличных денежных средств в качестве правовых последствий, применил двустороннюю реституцию, взыскав с ответчика в конкурсную массу должника переданные денежные средства, одновременно возвратив ответчику 6 991, 195 882 монет OneCoin, возложив обязанность по передаче на финансового управляющего должника».	Определение Арбитражного суда Пермского края по делу от 11 января 2022 года по делу № А50-6372/2018

Как видим, в рамках рассмотрения дел о банкротстве, суды, зачастую, занимают более активную позицию, т. к. признают криптоактивы имуществом, отвечающим всем признакам данного определения в отечественном законодательстве.

В достаточном большом количестве арбитражными судами принимаются акты об истребовании у должников доступа к криптокошелькам. При этом уже сформировалась практика правильного процесса идентифика-

ции владельца токенов на крупных биржах, утверждают положения о реализации такого имущества должника и даже, признавая недействительными сделки должника с цифровыми активами.

Реализация цифровых активов в процедуре банкротства. Рассмотрим практические вопросы обнаружения, идентификации и передачи, в том числе принудительной, данного проблемного актива в рамках дела о банкротстве.

В первую очередь необходимо обратить внимание на тот факт, что большинство криптоактивов на данный момент располагается не на «холодных» кошельках – носителях, не имеющих доступ в Интернет и предназначенных исключительно для хранения зашифрованного кода доступа к блокчейн-системе, а на криптобиржах.

Криптобиржи представляют собой интернет-площадку, на которой пользователи могут распоряжаться своими криптоактивами. Примеры таких бирж: Binance, Coinbase Exchange, FTX, eToroX, Huobi Global, Coinsbit и т. д. Фактически, ныне существующие криптобиржи являются обычными фондовыми биржами, только в качестве объекта торговли используют не ценные бумаги, а крипто-токены. В виду большей распространённости хранения криптоактивов на криптобиржах, арбитражным управляющим в своей работе приходится находить пути взаимодействия с данными площадками. Официальный статус бирж, признание легитимности их работы на территории множества государств, а также желание работать в правовом поле, ставят перед биржами определенные условия осуществления своей деятельности.

Так, крупнейшая криптобиржа Binance имеет собственные представительства на территории стран СНГ, включая и Россию, кроме того, данная биржа осуществляет техническую и правовую поддержку своих пользователей на русском языке. Однако на прямые запросы арбитражных управляющих биржа отвечает отказом в предоставлении информации, но вместе с тем вынуждена сотрудничать с правоохранительными органами и судами. В судебной практике уже случались прецеденты, в рамках которых биржа отвечала на определения об истребовании доказательств в отношении должников, которые были зарегистрированы в качестве инвесторов на данной площадке.

Возникает вопрос: как криптобиржи могут достоверно идентифицировать своих пользователей для передачи информации в рамках дела о банкротстве (ответ на который дает процедура идентификации при первичной регистрации инвесторов)? Идентификация происходит на основании предоставления инвестором следующих документов и сведений:

1) личных данных (фамилии, имени, отчества, даты рождения);

2) адреса регистрации, либо проживания, подтверждаемого квитанцией об оплате коммунальных услуг, банковской выпиской, справкой об ипотеке и т. д.;

3) постоянного номера телефона, необходимого для авторизации на площадке и подтверждения некоторых сделок;

4) адрес электронной почты;

5) удостоверение личности государственного образца (паспорт, водительское удостоверение);

6) распознавание лица (данная процедура делается с использованием камеры на ПК или смартфона).

Помимо вышеперечисленного, к аккаунту может быть привязана банковская карта инвестора для прямого пополнения своего счета на площадке. Однако у пользователей есть возможность приобретать, продавать криптовалюту, не прибегая к платежным услугам крипто-биржи. Так называемая торговля P2P (*peer-to-peer*) позволяет покупателям и продавцам взаимодействовать напрямую, без агентов или посредников, то есть биржа предоставляет площадку для размещения объявления о продаже крипто-токенов, при этом пользователи сами проводят операции по купле-продаже криптовалюты. Скрыть банковские данные и в этом случае не получится, т. к. биржа всё-таки выступает гарантом проведения сделки и данные банковской карты будут видны не только сторонам сделки, но и ей.

В определенной степени использование должником P2P торговли увеличивает шансы арбитражного управляющего на установление достоверной истории сделок, а также на их успешное оспаривание. В случае с *peer-to-peer* сделками можно достоверно установить:

– кто являлся сторонами сделки, получить необходимую идентифицирующую информацию;

– точную дату, время совершения сделки;

– подтверждение фактического осуществления сделки, исходя из банковских переводов и транзакций криптовалюты внутри биржи;

– установить намерения сторон относительно сделки, ввиду согласия с осуществ-

лением сделок по правилам *peer-to-peer* торговли.

Исходя из вышесказанного, арбитражный управляющий, получив доступ к определенным данным должника (как минимум, электронная почта), может получить косвенные доказательства наличия у такого должника аккаунта на какой-либо бирже, и как следствие, с большой долей вероятности утверждать о наличии у такого должника криптовалюты на субсчете такой биржи для целей ее последующего истребования в конкурсную массу.

Кроме того, учитывая факт идентификации клиента биржи на основании его персональных данных, существует теоретическая (и при должной степени оперативности – практическая) возможность блокировки аккаунтов заинтересованных по отношению к должнику лиц.

Кроме того, особенностью блокчейн системы является тот факт, что арбитражный управляющий, получив сведения о наличии у должника электронного кошелька определенного крипто-токена, с помощью единого реестра ведения крипто-операции может беспрепятственно получить доступ ко всей истории транзакций указанного пользователя, что позволит, как минимум, оценить объемы его транзакций и, как следствие, добросовестность его поведения и, возможно, выгодоприобретателей, в пользу которых осуществлялись транзакции.

Арбитражным управляющим может быть применена более традиционная тактика обнаружения криптоактивов должника, исходя из анализа банковских выписок.

Оплата приобретаемой на бирже криптовалюты может осуществляться путем внесения денежных средств с банковской карты (счета). Как правило, каждый клиент биржи хоть раз переводил на свой аккаунт деньги с банковской карты либо выводил их на карту, а не только пользовался криптообменниками, которые работают с наличностью. Таким образом, видя в строке контрагента наименование биржи, можно утверждать, что должник является клиентом данной биржи.

Рассмотрев процесс взаимодействия арбитражного управляющего с криптобиржами, мы не можем обойти стороной другой метод

хранения криптоактивов – «холодные кошельки». Холодные кошельки представляют из себя носитель, физический или виртуальный (приложение для ПК, либо КПК), который хранит в себе определенный набор кода, для предоставления доступа к осуществлению транзакций в сети блокчейн.

Блокчейн как электронная информационная система обладает следующими признаками:

1) она полностью *децентрализована* (это означает, что такая информационная система никем не управляется и не регулируется – ни правительством, ни корпорациями, ни создателями криптовалюты, ни отдельными майнерами; все участники системы имеют равные права);

2) *содержит в себе базы данных* для хранения реестра, в которые невозможно внести изменения, исказить данные, а можно только дополнять (каждый узел сети поддерживает синхронную (или почти синхронную) с остальными узлами копию общей базы данных и историю транзакций с ней; практически это означает, что такую базу данных системы можно только дополнять, никакие изменения в ранее внесенные записи не допускаются; таким образом, формируется не редактируемый реестр транзакций, любые новые записи в реестр можно вносить только с согласия квалифицированного большинства участников; построенная на математических вычислениях система защищает цифровую валюту от подделки или взлома).

Таким образом, транзакции должника могут быть видны не только при получении доступа к аккаунту должника на бирже, но и в режиме реального времени при наличии сведений о номере кошелька интересующего лица, либо, имея физический доступ к холодному кошельку и обладая данными, позволяющими получить доступ к нему.

Система блокчейн позволяет проводить идентификацию по номеру транзакции или номеру кошелька через статистические информационные сервисы, соответствующие той сети, в которой осуществлялась транзакция.

Однако существуют ситуации, когда арбитражный управляющий, обнаружив у должника криптоактивы, имея доступ к хо-

лодному и горячему кошельку, телефону и электронной почте для подтверждения транзакций, все равно не имеет возможности пополнить конкурсную массу криптовалюты.

Для более развернутого исследования такой ситуации необходимо вновь обратиться к основам децентрализации блокчейн систем. Мы знаем, что в системе блокчейн формируется не редактируемый реестр транзакций путем подтверждения внесения необходимой записи всеми участниками сети. В приведенных выше признаках блокчейна в качестве «валидаторов» были указаны майнеры, которые с помощью вычислительных мощностей своего оборудования «подтверждают» (решают криптографическую задачу) необходимые транзакции, такой метод называется PoW – *Proof of Work*. Майнер, в награду за подтвержденную транзакцию, получает вознаграждение в виде крипто-токенов. Данный метод является родоначальником проведения транзакций в системе блокчейн и до сих пор пользуется огромной популярностью, ввиду своей открытости, доступности и легкости вывода средств.

Однако существует и иной способ подтверждения транзакций. Он появился сравнительно недавно и призван усовершенствовать систему блокчейна, избавиться от имеющихся недостатков и подогреть интерес к криптовалюте. PoS (*Proof-of-Stake*) – альтернативный алгоритм консенсуса, суть которого заключается в проверке держателями определённого крипто-токена транзакции пользователей, и если не менее 2/3 валидаторов согласны, что транзакция верна – она включается в новый блок блокчейна. Иными словами, валидатор дает сети в залог свои монеты, чтобы участвовать в процессе валидации. Ему не нужно «майнить» блоки. Ему лишь нужно создавать блоки и проверять блоки других валидаторов. С каждой операции валидатор получает вознаграждение. Если будет обнаружено, что он обманул сеть – его накажут и «отберут» часть залога. Главное отличие заключается в том, что валидатор вынужден отдать в залог сети часть уже имеющихся у него крипто-активов на определенный промежуток времени. Этот срок может быть любым – от одного часа до бесконечности.

Теперь обратимся к практике. Должник, перед процедурой банкротства направил все свои криптоактивы в стейкинг (PoS) на срок 5 лет. В свою очередь арбитражный управляющий, обнаружив данный факт, не сможет вернуть криптоактивы в конкурсную массу должника, т. к. процесс выплаты вознаграждения, как и возврата отданных «сети» криптоактивов, начнется только по истечении установленного срока. Кроме того, операции, связанные с «блокированием» криптоактивов в стейкинге, не отображаются в общей истории транзакций по электронному кошельку должника, т. к. фактически перевод средств не осуществляется. Стоит отметить, что некоторые биржи дополнительно скрывают сумму, заблокированную в стейкинге, из общего баланса крипто-кошелька, в целях избежания путаницы, что делает обнаружение «заблокированных» монет практически невозможным.

Выводы

Поиск криптовалюты должника проще, чем кажется на первый взгляд при наличии понимания экосистемы блокчейна, что доказывают многочисленные примеры судебной практики.

Арбитражные управляющие стали чаще и успешнее истребовать информацию о должнике, касаясь наличия у него криптоактивов.

В банкротных делах судьи положительно относятся к пополнению конкурсной массы должника криптоактивами и уже сформировали и раскрыли достаточно точный порядок обнаружения и передачи данного имущества арбитражному управляющему.

Работа топовых бирж на территории Российской Федерации легальна и в части взаимодействия с судами и правоохранительными органами – открыта, что позволяет при верных и оперативных действиях арбитражного управляющего получить необходимую информацию и пополнить конкурсную массу.

У должника есть только одна возможность скрыть свои криптоактивы, путем стейкинга крипто-токенов в сети блокчейн. Если должник активно распоряжался токенами, то скрыть активы практически невозможно, т. к. криптовалюта, несмотря на свою децентрализованность и независимость, до сих пор

сильно завязана на фиатной валюте.

Кредиторы не имеют практической возможности получить преюдициальный акт о наличии дебиторской задолженности по ак-

тивам, связанным с криптовалютой, вне рамок дела о банкротстве, ввиду сформировавшейся практики.

Список источников

1. Пахаруков А. А. Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 4. С. 327–338.
2. Бобылева А. З., Горев Д. Е., Зайцева Ю. А. и др.; отв. ред. Карелина С. А., Фролов И. В. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография. Москва: Юстицинформ, 2022. 312 с.
3. Щелокова А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11–13.
4. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
5. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Проблемы квалификации криминальных банкротств с использованием криптовалюты // Уголовное право. 2018. № 6. С. 10–15.
6. Кучеров И. И., Печегин Д. А. К вопросу о легитимации валют в зарубежных странах // Финансовое право. 2020. № 4. С. 12–16.
7. Бельский М. Д. Криптовалюта в контексте законодательства о несостоятельности: опыт Франции // Право и бизнес. 2021. № 4. С. 8–12.
8. Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 23–28.
9. Семейсов В. А. Принципы познания хозяйственно-правовых явлений // Защита прав предпринимателей: действующее законодательство и реалии его применения: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Иркутск, 15 марта 2019 г.). Иркутск: Изд-во Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 81–90.
10. Карелина С. А., Фролов И. В. Правовой режим криптовалюты и институт несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации // Право и цифровая экономика. 2019. № 4. С. 14–18.
11. Лескова Ю. Г., Ванин В. В. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 70–75.
12. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. 2021. № 2. С. 75–91.
13. Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87.
14. Калинкина В. В. Проблемы механизма оспаривания сделок должника в деле о банкротстве // Юридические исследования. 2021. № 11. С. 30–45.
15. Новоселова Л. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
16. Остроушко А. В. О необходимости совершенствования системы правового регулирования цифровых активов в Российской Федерации // Юридические исследования. 2021. № 4. С. 59–76.

Информация об авторах / Information about the Authors

Олег Нуриевич Алеев,
специалист судьи,
Арбитражный суд Иркутской области,
664025, г. Иркутск, бульвар Гагарина, д. 70,
Российская Федерация,
olalgh@yandex.ru

Александр Анатольевич Пахаруков,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой Юриспруденции,
Институт экономики, управления и права,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
Российская Федерация,
paharukov@mail.ru

Oleg N. Aleev,
Judge Specialist,
Arbitration Court of the Irkutsk Region,
664025, Irkutsk, Gagarin Boulevard, 70,
Russian Federation,
olalgh@yandex.ru

Alexander A. Pakharukov,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
Head of Jurisprudence Department,
Institute of Economics, Management and Law,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk 664074,
Russian Federation,
paharukov@mail.ru